

«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».

М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

16.03.2015

№4 (49) Апрель 2015 года

- Золотой юбилей

УРОКИ ДЛЯТСЯ

Об этом человеке можно написать, что он Почётный гражданин города, заслуженный учитель, ветеран Великой Отечественной войны. Можно на полстраницы перечислять прочие его заслуги, но хочется сегодня о другом.

Главное в том, что в свои 100 лет он совсем не старик. Язык не поворачивается так назвать Алексея Михайловича Новикова. Как можно величать стариком человека, собравшего на свой торжественный вечер в Доме культуры полон зал людей, держащего в течение часа всех в добром расположении духа, следящего внимательно за происходящим на сцене, умеющего экспромтом вовремя и к месту вставить в подготовленный для него сценарий весёлое и меткое словцо, а в конце праздника выйти на сцену самому и исполнить акапелла три своих любимых песни.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что Алексея Михайловича знают в районе все. Кто-то был его учеником, кого-то он принимал на работу, трудясь в должности заведующего РОНО, кто-то был родителем его учеников. Но даже если не соприкасались с ним по службе, частенько видели всегда подтянутого и бодрого на различных городских мероприятиях.

Мне довелось узнать его близко, когда он уже не занимал руководящих постов, а был рядовым учителем сельской школы. Приехал он в школу, в которой я была директором, на открытое мероприятие. Мы проводили его для всех школ района. Елей лить не стану, а расскажу, как было. Он прошёлся по всем классам, всё внимательно осмотрел. Противиться этому у нас причин не было, школу вылизали, как нам казалось, к приезду гостей. Он одобрительно похмыкивал, а зайдя в учительскую, заглянул в шкафы и даже... провёл ладонью по их верху. На руке осталась пыль, что он мне тут же с готовностью продемонстрировал. «Вот зануда», – подумала тогда про себя. Но за такими, казалось бы, мелочами потом следила внимательно. Урок Новикова не прошёл даром.

Он долго работал, но и закончив трудовой путь, не оставался в стороне от жизни города и района. Не раз видела его на городском стадионе во время празднования Дня города. Поскольку он жил в деревне и был уже далеко не юн, однажды спросила, доставляют ли его на это общегородское событие?

– Да нет, сам добираюсь. Сначала на мотоцикле ездил, а теперь такси вызываю, – ответил он.

Быть в стороне от общей жизни не его правило. Сохранилось оно до сих пор. И до сего дня мы исподволь получаем от него жизненные уроки. Даже этот юбилейный концерт был своеобразным уроком мудрости, жизненной стойкости. И многим из нас захотелось построить свою жизнь, сколько её там ни осталось, по таким же принципам.

«Очень позитивное мероприятие», – приходилось слышать на выходе из зала не только от людей в возрасте, но и от молодых.

Заряд бодрости, веры в себя и в собственные жизненные силы получили люди в этот день. И вдохнул в них эти силы столетний юбиляр.

М. Петрова

На снимке: А. М. Новиков, ученик 6 класса. 19 августа 1932 года.

Фото специально выбирали юношеское, такой облик соответствует его душе.

Наше время похоже на странный коллаж

Смирнов Юрий Алексеевич

(Любино – Торжок – Маслово)

1995

12.05.

Осилил Хемингуэя. Из 2-го тома лучшее «Мать красавчика» и один из рассказов о корриде. То есть, самое удачное у Хемингуэя – это ловля форели и ловля быками матадоров. Здесь много писательских удач и много поэзии. Надо попробовать перечитать его крупные вещи. Когда-то они не пошли. Чем они будут сейчас? Хемингуэем болело несколько поколений 20 века (предвоенное, послевоенное). Пока я ещё не нашёл, чем болеть (или я абсолютно глух и слеп к его красотам?).

В школе чувствую себя чужим и ненужным. Кажется и остальные учителя испытывают подобное.

20.05.

В город приехал Жириновский – лидер ЛДПР. Хотел было пойти на встречу, а потом расхотел. Да ну его...

Г. Газданов. «Вечер у Клэр». Сборник. Особенно понравились «Ночные дороги». Но, вообще-то, здорово всё: и язык, и характеры, и какая-то не болезненная нотка обречённости, и масса и масса чудесного во всём. Так, наверное, могло писать только поколение, которому не страшно было умирать (потому, что ли, что жизнь была страшнее; а её надо было прожить, хотя бы для того, чтобы были свидетели и остались свидетельства).

01.06.

Школа. Экзамены. Чувство такое, что всё, что мы ни делаем, всё – липа. И всё от безысходности. Ни малейшего проблеска, только какие-то, довольно-таки неуверенные, намёки на него, а скорее – лишь ожидание его. Учитель скован нищенской и часто не выплачиваемой вовремя зарплатой. Приусадебные участки – «дачи» – жесточайшая необходимость – плантации, где и плантаторы, и рабы – сами же хозяева – вкалывают как проклятые, чтобы обеспечить себя хотя бы овощами-фруктами. Основная работа не кормит. Основная работа после такого «отдыха на даче» – фикция. О каком же творчестве учителя здесь можно говорить. Государство просто издевается над учителями, витийствуя о творчестве. И масса ненужной бумаги и ничего не значащих отчётов. Неслучайно многие уходят из школы.

А дети?! Разве их заманишь тем, что их потом не обеспечит – знаниями? Нищенство их не привлекает. Да и какого нормального человека это может привлечь. Поэтому их идеалы вне сферы знаний: естественнонаучных, гуманитарных, эстетических, этических. Государство же не слепо. Ведь этот раздрай бумерангом ударит по тому же государству. Пусть не сейчас. Но пройдёт десяток лет и много вернуть, восстановить не удастся.

Каким же всё кажется безнадёжным и пустым. И какое же здесь можно найти удовлетворение.

13.06.

Был на турслёте. Первый день отпуска.

Эстафетные этапы турслёта подсуживают, причём так заметно и ненавязчиво глупо, в пользу 5-й школы. Для чего? Чтобы они поехали на областной турслёт? Ну, если у них хорошая спортивная база, пусть едут; причём здесь места на районном турслёте. А если нет, то обеспечьте всем необходимым того, кто честно выиграл, и пусть они едут на областной; а после можно всё забрать назад. Это, по крайней мере, честнее по отношению к детям. После такого судейства детей калачом не заманишь на любые соревнования.

От подлости и пустоты – тошнит. Напиваться не хочется. Ещё острее боль. Единственное нормальное желание – увидеть, чем эта вакханалия закончится, и хоть как-нибудь помочь ей побыстрее закончиться.

28.06.

Стефан Гейм. «Агасфер». Гессе Г. «Синддхартха».

Противоборство Агасфера (Люцифера) и Христа – основная тема. Кто же прав? Может быть тот, кто проповедует нищенскую свободу в силе и рабство в бессилии? Или Иисус? Или и тот и другой правы (как всегда правы два противоположных полюса одного и того же мира), содержа в себе всю полноту бытия.

(продолжение на стр. 3).

(начало на стр. 2).

30.06.

Еду с дачи. На остановке автобуса, что на повороте на Прутно, мужичок в потёртых ватниках (хотя жара страшная) и в засаленной рабочей куртке.

– Пётр и Павел на час день убавил... А Илья Пророк – два уволок.

И больше ни слова. Поговорили.

Г. Гессе. «Август». Логическое продолжение и развитие Циннобера. Выход из тупика (?). Антиномия гофмановскому герою (?). Как всё-таки ограничен круг проблем, вокруг которых вращается настоящая культура.

06.08.

Полоса белая. Полоса чёрная. Как надоела эта двуполосица...

«Новые русские»... Теперь появилось ещё одно странное – «старые русские».

Живи «день за день; нынче, как вчера» – и прослывёшь «старым русским». Сядь в чичиковскую бричку и щёлкни кнутом – станешь «новым русским». А я хочу быть просто русским, не спеша делать своё дело, то есть не суетясь, не идя по головам. Но сейчас это почти невозможно. Чувство, как будто иду на дно, как камни Атлантиды.

16.09.

Крутятся в голове строчки стихов, мелодий. Порой не лучшие строчки и мелодии. Как будто память отбирает из всего сора всё самое необходимое и лучшее. Но – странно: лучшее, если сразу же не запишешь, разрушается и исчезает; ерунда же – хочешь или не хочешь – остаётся надолго и мучит с навязчивостью овода память и нервы. Почему так? А может, «лучшее» – это иллюзия?

17.09.

Чем сильнее тяга к творчеству, тем сильнее какая-то дьявольщина в голове (с патетикой: Лик Зверя). Я открываю в себе не ведомые мне ранее глубины. И они мрачны: что-то холодное, злое и ядовитое. Дьявол ли шутки шутит, Бог ли испытывает? Но чувствую себя разбитым и утомлённым. Ничто не помогает.

18.09.

Нет банальных истин, есть поверхностные, банальные взгляды на эти истины. Надо учиться быть собою. Не нужно чужих глаз, чужих ушей, чужого языка. Есть свои глаза, уши и язык. Если и хромать, то на своих двоих, если ползать, – на своём брюхе, своими руками. Если умереть, – своей смертью.

26.09.

После школы. На остановке жду автобус.

Среди пришедших с базара пёстро разодетых торговков, тоже ждущих среди своих баулов автобус, на изломанной скамейке сидит неопределённого возраста мужчина. На голове грязный, повязанный под столь же грязную шапочку, платок. Засаленные, с комьями грязи и ещё чего-то неопределённого, не раз, видимо, штопаные штаны (трудно сказать – брюки), накиннутый почти на голое тело (майка в сеточке больших и малых дыр) клетчатый грязный пиджак. Но это замечается как-то вскользь. Взгляд выхватывает почти сразу же грязную, взлохмаченную, но красивую, с проседью, бороду, зеленоватые, с сумасшедшинкой, и поразительно живые глаза над нею, и более всего – босые ноги (это в конце сентября-то!), жилистые, поколовшиеся, не реагирующие на холод.

Почти все, ждущие автобус, украдкой, со стыдливой улыбкой, быстро пробегали по узким длинным ступням глазами и отворачивались. Впрочем, мужчина – ещё далеко не старик – не чувствовал себя неудобно. Он с регулярностью маятника поднимал наполненный почти до краёв аперитивом стакан и опускал его, чтобы наполнить снова. Вместо опустевшей бутылки (что происходило очень быстро) из вытертой грязной авоськи доставалась другая.

Он был очень открыт всем, приятно, по-приятельски улыбался, предлагая с ним выпить, разговорчив и необидчив на резкие и едкие замечания торговков. Но скамья пустела. Все отходили прочь. И он мало-помалу остался один на один со своим стаканом, что-то бормоча в бороду и загадочно улыбаясь.

Пришёл автобус. Я уехал.

(продолжение следует).

• Листая старую тетрадь

Владимир Юринов

Андреаполь

НОЯБРЬ.

ОТДЕЛЬНО СТОЯЩЕЕ
ДЕРЕВО

Ветхие ветви в мольбе протягивая,
стягивая с себя листья одеяло,
дерево стояло и плакало,
плакало, но стояло.

На пустыре без устали
клало поклоны долу,
голые выказав мускулы,
клялось на выставшем поле.

Вяз ли, ольха ли, ясень ли?

В сумерках неразборчиво
корчилося странной пляскою,
волосы растопорщивши.

То ли оно раскаивалось,
то ли оно рассказывало,
только, в тоске раскачиваясь,
скрипы несло несвязные.

Стоя в разводьях вечера
на рубеже безмолвия,
может, безликой вечности
истину тихо молвило?

Голосом понадтреснутым
силилось говор выплести?

Выплеснуть слово резкое?

Песню? Полузабытый стих?..

Криком кричало дерево,
тщетно – ночи прочна тюрьма.

Вторил ему только ветра вой,
слышали – только снег да тьма.

Память любит в крошечной ночи
брать нас слабыми в тёплых постелях
и сквозь стёкла шпагам настенным
лунным светом грани точить,
гарцевать на кобыле гнедой,
топотать там, где мы недобыли,
недодрались, недолюбили
и ещё недо... и недо...

Память любит брать на измор,
аритмией мытарить сердце
и за ширмочкою раздеться,
наготы блеснув белизной,
и скользнуть под простынный жар,
и, прижавшись, шептать и нежить,
и, взорвавшись вдруг, кровью свежей
измарать синеву ножа.

И когда, ослабев и сдав,
мы хрипим, мы шепчем: «Не надо!..»
и на ринговых виснем канатах
в позе вздыбленного Христа,
изгоняя весь бред взхлёб,

как с заснеженного Побережья,
к нам прохладная входит Надежда
и ладони кладёт на лоб.

ГОРОДСКАЯ ИСТОРИЯ

Был страшно длинный год, час пик, и серый город
машин густой поток процеживал сквозь горло,
в стекло наискосок сёк дождь, шуршали шины.

Вцепившись в свой шесток, качались пассажиры.

И я качался в такт, дышал в чужой затылок.

Упёршись в щит зонта, не чуял ног застылых.

Но сквозь сплетенья рук, пересеченья взглядов
мне улыбнулся вдруг горбун, стоявший рядом.

И словно обожгла дрожащая улыбка,

и по карнизу лба пот заискрился липко,

в груди холодный ком, и – остриём кинжала –
по коже ветерком опасность пробежала.

Какого чёрта?! Мне? Неловко, непонятно.

Знаком? Как будто нет. И билась мысль невнятно.

Добрряк? Хотел помочь? Да что – корысть какая?!..

И кинулся я прочь, попутчиков толкая.

Я выскочил под дождь, в слепое многолюдье,

твердя, что это – ложь. И кто меня осудит?!

Накинул капюшон и вздрогнул – словно к другу,
горбун навстречу шёл, протягивая руку.

Опять?! Нет, неспроста! Где умысел таится?!

Святая ль простота, уловки ли лисицы?!

И я, в кармане сжав измятые рублики,

всем телом задрожал и увернулся ловко.

А он, не обрета руки моей опоры,

Христом с высот креста упал на мокрый город,

упал на злой асфальт, ударился всем телом,

зажмурились глаза, заплакал неумело.

Все опасенья – вздор, сомненья стали пылью, –
там, на спине, не горб, а сложенные крылья.

И всё, и не вернуть, ведь вот как, неуклюже,

я ангела швырнул лицом в асфальт и лужи...

Был страшно длинный год, час пик, и город мокрый
сливал в потоки вод разжиженные стёкла.

И сквозь угарный смог, осмеян и изранен,

в густой людской поток ушёл мой добрый ангел.

Догнать? Остановить? Не знаю, не умею.

Связать бы эту нить, да – осень – поздно сеять.

И с холодом в груди, неловкий и дрожащий,

я прочь побрёл среди безудержно спешащих...

ТОКСИДЕРМИЧЕСКОЕ

Приятно, сидя у огня, смотреть

на скальп соперника, висящий над камином,

бутыль вина, початую на треть,

держат в руке, отставленной картинно,

и думать: «Ах, какая ж я скотина!

Ленив! А здесь бы чучелу висеть!..»

• Такой секрет
Игорь Столяров
Нелидово

Одари меня в ответ
Рифмою веселой,
Свет мой, женщина-поэт!
У поэтов, в общем, нет
Потолка и пола:
Им бы к Богу на порог,
Чтобы петь повыше.
И неведом потолок
Их беспечной крыше.
Им Вселенная – размер,
Звезды – многоточья,
А изгибы тонких сфер –
Под двухстопьем почва...
Но порой для кратких встреч
Выдается время –
И спадает с хрупких плеч
Неземное время.
Снова твердь тебе и мне
Кажется родною...
В поднебесной тишине
Я с тобой наедине –
С Женщиной земною.

Маргарита Петрова
Андреаполь

Ах, попутчик мой весёлый,
Верно, знаешь ты секрет,
Мчится под твои приколы
ПАЗик, как кабриолет.

Мне легко, но так тревожно,
Видно – ты бывалый враль.
За окошком ненадёжный
Сумасброднейший февраль.

Путь назад переметает,
Снег фатой прикрывает капот.
Я повадки эти знаю:
Мягко стелет – жди хлопот.

Зря тревожусь! Что теряю?
Жизнь и так уж – наизлёт.
Вывози скорей, кривая:
Лисьей рысью – да в фокстрот.*

* *Фокстрот - парный танец свободной композиции (англ. fox trot, букв. лисья рысь).*

Пётр Бобунов

Нелидово

Утро бледным, робким, зыбким
продолженьем ото сна..
Так нежна твоя улыбка,
что мерещится она.
В каждом шорохе, в предметах,
в колебаниях теней –
скрипнет что-то, стукнет где-то –
всё твоя улыбка мне.

День придет– заботы хлынут,
впрочем, как во всяком дне.
И почти неуловима
в них всегда улыбка. Зримо,
осязаемо вполне.

Что такое – я не знаю,
и узнаю ли когда?
Нет, пойду перечитаю
про Чеширского кота.

Наталья Иванова

Пено

Знаю, не случайна наша встреча,
Только говорят - случайный взгляд.
Кем-то свыше этот день отмечен,
Предначертан сотню лет назад.

По ладони линией кривою
Он бежит, оставив чёткий след.
А ещё его зовут судьбою
На двоих одной на сотню лет.

Только день тот был навеки потерян,
Видно, покровители Земли,
Заболтались и недоглядели –
И его для нас не сберегли.

С Книгой Жизни поиграли дети,
Новым веком не был он прочтён –
Малыши- амуры строки эти
Вырвали и выкинули вон.

Татьяна Лапко

Андреаполь – Великие Луки

Горечь жизни от печали,
Что встречается в начале
Бед, которых мы не ждём
Никогда. Так под дождём
Непредвиденности всякой
Жизнь бродячею собакой
Вдруг покажется в проём
Неба. Звёздный водоём –
Это пруд больших забот,
Широко открывший рот,
Поглощать из века в век
Всё, чем значим человек.

• **Новые книги**
Эту книгу в «Светлячке» ждали, как никакую другую. «В бессонные ночи затейливы строчки» – так называется сборник поэтических переключек поэтов западных районов области: Андреапольского, Нелидовского, Пеновского и других. Он был задуман и выполнен самими

авторами. Пользовались лишь типографскими услугами, книга отпечатана в Ржевской типографии.

Составители М. Петрова (Андреаполь) и Н. Иванова (Пено), верстальщик – Н. Иванова, корректор М. Петрова, дизайн обложки Е. Афанасьева и М. Петрова, – прочтёте вы на последней странице. В основу книги легли стихотворные подборки, печатавшиеся в литературно-краеведческой газете «Светлячок».

Это первый опыт совместного издания. Читатели, которые уже держали книгу в руках, утверждают, что первый блин не вышел комом. Наоборот, отзывы о сборнике сплошь положительные.

Книгу можно приобрести в книжном магазине нашего города и в киосках «Союзпечати».

«**Нечто**» – так называется книга стихов жительницы нашего города Марии Черкасовой, выпущенная ею недавно. Это имя знакомо читателям «Светлячка» по публикациям в нашей газете. Знакома и непростая судьба девушки, наперекор болезни пишущей жизнеутверждающие стихи.

Она любит весь мир: «красивый добрый лес», «кузнечиково-стрекозные» ночи. Ей хочется «небо обнять, как можно шире руки раскинув». Из-под её пера вышли строки: «сердце счастливое не унять».

В этой маленькой книжечке – уроки для всех нас: «Слышите, люди?! Мы ваша проверка на чувство любви и доброты».

• **Успех!**

УДАЧИ, ИГОРЬ!

Это сообщение мы увидели в социальной сети «Одноклассники», его выложила Нелидовская библиотека. Так как Игорь постоянный автор нашей газеты

«Светлячок» и хорошо знаком нашим читателям, решили порадовать их этой новостью.

Дорогие друзья! Стихи нелидовского поэта Игоря Столярова вошли в альманах с произведениями номинантов национальной литературной премии "Поэт года 2014". На основании этой книги члены жюри выставят свои оценки, которые впоследствии суммируются для определения лауреатов премии. Отбор конкурсантов и номинация на премию "Поэт года" осуществляется в сети Интернет на литературном портале Стихи.ру, где опубликовано более двадцати семи миллионов произведений и представлено свыше шестисот тысяч авторов современной поэзии.

В книгу вошли следующие стихотворения Игоря: "Когда я один и сгущается тьма за оконцем...", "Я не так уж и предан той летней обманчивой тайне...", "Замечаю вокруг недоброе...", "Где-то там без меня засыпает твоё полуночье...", "Узоры строк, словесная игра...", "Герой минувшего времени", "Ночь ароматно-медвяным летом...", "А представь, мы с тобой родились...", "С утра бесчисленны дела...", "Невидимой рукой раскручен глобус круглый...", "Современный стих так похож на рваную чёлку...", "Колокол", "Изгнание".

Стихи опубликованы на стр. 7.

Игорь Столяров

Когда я один
и сгущается тьма за оконцем,
Меня вовлекая
в ночной ускользящий мир, –
Похожа луна
на внезапно остывшее солнце,
И кажутся звезды
окошками чьих-то квартир.
Вдруг станет теплее
от их молчаливого взора,
От ясной улыбки
больших неземных городов;
И в этих глазах
нет ни слез, ни мольбы, ни укора, –
Лишь вечная радость
забытых небесных садов.
И окна лучатся
своим неизбывным участием
В волшебную тьму,
где не спят до утра города.
За дальним окошком,
наверное, спрятано счастье.
Где взять мне билет,
чтоб к рассвету добраться туда?..
* * *

Я не так уж и предан
той летней обманчивой тайне,
Где бущующий свет
разгулялся на спелой траве,
А улыбчивый дождик
зашелся в веселом регтайме
И блистательным джазом
скользит по размытой листве.
Я почти не обижен,
что лето в игривом раскате
Надо мною смеется,
роняя свой бисер в отвес,
Ксилофоня мне вслед
молоточками солнечных капель
И бросая синкопы,
как жемчуг беспечных небес.
Я всего и хотел-то
взлететь над толпой разноликой
В переборах гитарных,
что в праздничном вихре взвились,
Чтоб душа от струны
отлетала фламенковым криком,
Унося за собой
смех и слезы в звенящую высь!..
* * *

Невидимой рукой раскручен глобус круглый
И отдан поиграть властителям столиц.
А я им всем кажусь перчаточную куклой,
Что дремлет до поры среди тряпичных лиц.
Мне снится вешний сад. Ему не видно края,
И яблоня познания растет невдалеке.

Но местный кукловождь мне не откроет рая,
А только выбьет пыль да и запрет в райке...

ГЕРОЙ МИНУВШЕГО ВРЕМЕНИ

Всю ночь в телевизоре – сыщик БезрукБероев,
По радиоволнам кругами идет хип-хоп.
Неспящее время штампует других героев –
Им пылкого сердца привычной холодный лоб.
В моей же груди до сих пор нестерпимо жарко,
Когда от зарниц задрожат небеса и сныть.
И темень согрета, и утро все так же ярко:
Наверно, не всем суждено до конца остыть.
Наверно, проснулось что-то и вновь тревожит,
Забывтое там, за делами давным-давно,
Что с песней из детства роднит до сердечной дрожи-
Как в добром советском, наивно-простом кино...
Но радость промчится и жар до поры укроет
Настылый сугроб повседневных постылых дум.
И, в новой колоде тасуя чужих героев,
Прагматика дня из двоих выбирает ум.

* * *

...Узоры строк, словесная игра,
Ленивым жиром льется чья-то ересь...
А мне они уже давно приелись –
Все эти па... фосные номера.
Я ухожу в забытое вчера
И, как язычник, обнаженный в танце,
Преображаюсь в первозданном стансе –
И рвется слов пустая мишура.
Пусть кто-то ценит яркие черты,
И стройность тел, и плавные изгибы –
Но мне всегда душевные эксгибы
Куда милей телесной красоты...

* * *

Ночь ароматно-медвяным летом
томна и нетемна.
С бронзово-смуглой груди амулетом
медно глядит луна.
Тихо грустят о полуденном зное
отблески звездных глаз.
Солнечный свет, отраженный луною,
напоминает нас.
Я – тайный шар: лишь поймаю твой лучик, –
Вспыхну ясней комет!
...Мне так легко становиться лучше,
твой отражая свет.

- На конкурс: «Это было со мной в Андреаполе»

САБД К САМОМУ СЕБЕ

Давно это было, больше полувека назад. Я, девчонка-подросток, уговорила своего отца и мачеху, чтобы взяли меня с собой в отпуск. Они были железнодорожниками, билет раз в год имели бесплатный, вот мы и поехали через всю страну на запад. Путь наш лежал на родину моей мачехи, в деревню под Андреаполем. Жили мы в Восточной Сибири, в железнодорожном посёлке. Места очень дальние, через сотню километров по железной дороге на восток уже и Амурская область.

Девчонке-подростку интересно было всё, от окна почти не отходила. Перемена видов за окном поезда, пересадки – Москва, Великие Луки (мы не знали, что можно было из Москвы до Андреаполя доехать без пересадки). Казалось, что самое интересное ждет там, куда мы так долго добирались.

Вот мы в Андреаполе, дальше едем в автобусе по мощённой камнем улице в деревню Радча через посёлок или деревню в то время, я уже не помню, Серёжино (Бологово). Как же красиво вокруг: лес, поля, озёра! Наконец мы на месте. Нас встречает дядя Вася, родственник мачехи, на запряженной в телегу лошади.

Кругом простые, очень приветливые люди, скромный быт. Мне показалось, что жили здесь куда беднее, чем в нашем железнодорожном посёлке почти на краю света. Здесь впервые я увидела баню, которая топилась по-чёрному. Мыться в ней мне не понравилось.

Зато окрестности были великолепны. Дорога, скорее тропинка между двух полей, в деревню Торопаца таила столько секретов. На самом краю поля лежал плоский большой камень, а в нём, как будто вдавленный, отпечаток, точнее след небольшой детской ножки. Мы всей ватагой, с малышняй не раз бегали мимо. И каждый из нас обязательно примерял следок. Моя нога была великовата. Камень этот все называли Боженкин следок. Название-то какое! Как он оказался там, никто не знал.

Время тогда было безбожным, но в генетической памяти простого крестьянина вера, несомненно, хранилась. Иначе откуда эти названия? И почему ребятишки, пробегая мимо, обязательно примеряли следок? Сейчас точно вспомнить не могу, чего конкретно мы хотели от этого камня, но до сих пор хранится то детское ощущение: коснулся этого следка на камне, значит приобрёл таинственную защиту.

А при въезде в деревню Радча протекал, да и ныне протекает Богов ручей. Говорили, что вода в нём целебная. Сейчас в этой деревне никто не живёт: опустела, осиротела. А камень Боженкин следок увёз с привычного места один собиратель диковинок то ли в деревню Воскресенское, то ли в село Хотилицы.

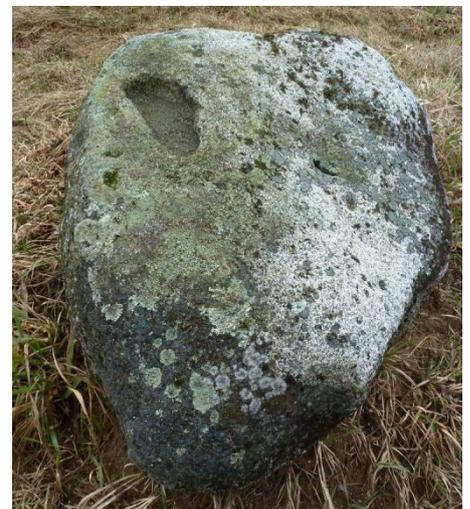
Годы спустя судьба привела меня из далёкой Сибири на постоянное жительство в Андреаполь. Но в Радче и её окрестностях побывать больше не довелось, хотя диковинный камень крепко обосновался в моей памяти. А может, это и вправду Божий следок, чтобы люди знали, помнили и Богов ручей, и путь в своё родовое гнездо.

Любовь Мельникова,
Андреаполь.

На снимке: тот самый камень.

Сейчас он находится в селе Хотилицы в Парке камней, который обустроен Михаилом Наумовичем Евсеенко в 2012 году. Сейчас, когда основателя этого уникального музея под открытым небом не стало, за ним присматривает его сын Павел Евсеенко.

Туда может приехать на экскурсию любой желающий.

• **Память**
Человек с
аккордеоном

«Человек с аккордеоном» - фильм 1985 года. Как же так случилось, что я не видела этот фильм раньше. А сегодня смотрела на одном дыхании.

Перебираю старые фотографии. Вот мой отец в девятнадцать лет, в двадцать лет, двадцать пять лет, тридцать лет, сорок. Везде на фото он с аккордеоном, почти

везде в военной форме. Не был папа артистом оперетты, как герой Золотухина в фильме, но это и не главное. Но он, так же как и Громцев, ушёл на войну совсем мальчишкой, в неполные восемнадцать лет, вернулся тоже с аккордеоном и тоже с подаренным. Папа и аккордеон – неразделимы. В самом раннем детстве (родился в деревне) мечтал, хотел научиться играть. И научился, сначала на гармошке, затем на аккордеоне. Но самообучение казалось папе недостаточным и, будучи семейным человеком, кадровым офицером, он заочно окончил московское музыкальное училище. Сохранились все его письменные работы, выполненные красивым почерком в школьных тетрадках, которые отправлял в Москву.

«Выдать что-нибудь эдакое», как говорит Евстигнеев в фильме, это про моего отца. Всё как в кино. В послевоенное время патефоны были редкостью, а общенародные праздники, дни рождения отмечали дружно и весело и, конечно, дома – застолья. И вот тут без аккордеона веселья не получалось... «Мишка, Мишка, где твоя улыбка», «Здесь под небом чужим», «Здравствуй, парень, парень дорогой», частушки, народные песни, чардаш Монти и многое другое пелось и игралось. Память сохранила папу с аккордеоном на груди, с прикрытыми глазами, слегка откинутой назад головой и только музыка, в это время он ничего не видел и не слышал.

Но не только на гулянках служил аккордеон, папа был кадровым офицером, а самодеятельность в послевоенное время была очень актуальна, вот и не обходился ни один концерт без моего папочки. А в отпуск, в деревню - только с аккордеоном. А там пели все: дедушка, бабушка, тёти, дяди и сам папа пел хорошо, деревня гуляла, а деревни на Тамбовщине были настоящие, раздольные, разве такое забудешь.

Папы не стало, когда ему не было сорока трёх лет. Я уже давно старше его. Спустя годы, когда слышу и вижу аккордеон, сердце замирает. Вот это и есть то, ради чего мы живём - ради памяти. Мой отец был интересным, образованным, общительным человеком, но об этом нужно рассказывать отдельно.

Светлана Копырюлина,
 Смоленск.

На снимке: концерт в ДО Андреаполя, 1960 год.

Автор будет благодарна каждому, кто узнает женщин на снимке, и сможет что-нибудь рассказать ей об отце.

• **Возвращаясь к опубликованному**

В майском номере «Светлячка» за 2014 год была опубликована статья Валерия Линкевича, в которой рассказывалось о Захарове Афанасии Ивановиче (1891 – 1973), уроженце хутора Моржуи, кавалере четырех орденов Святого великомученика и победоносца Георгия.

В декабре 2014 на электронный адрес библиотеки пришло письмо: «Просмотрела вашу публикацию о Захарове, а это мой дедушка. Дочь его – Дрызгова А. А. в этом году умерла. Посылаю вам фото, которое у нас сохранилось. В статье написано все верно. Похоронен он в Серезино, по возможности могилку посещаем». И подпись: Надежда Желамская.

Мы попросили внучку побольше рассказать о дедушке, но ответа пока не получили. Фото передано в музей.

• **Философы с завалинки****НЕ ПАДАТЬ В ГРЯЗЬ ЛИЦОМ**

Приближается столетие Октябрьской Социалистической революции. И становится тревожно за страну, как бы снова не повторилось это безумие, только уже в виде «русского майдана». Обидно, что перебьют друг друга, а в результате холопы поменяются местами и снова от чего ушли, к тому и придём. А людей множество потеряем, и кто-то будет этому радоваться, мол, скорей бы перебили друг друга, а когда их будет мало, мы их тёпленькими легко приберём...

Значит, такой вариант нам не подходит. Надо искать другие заслоны. Надо каждому из нас задуматься над вопросом: «Для чего мы живём»? Ответ прост: мы живём ради наших детей, внуков, правнуков. Никогда нельзя это забывать, после нас придут наши дети...

Так давайте делать так, чтобы наши дети были чуточку счастливее нас. А наши дети постараются ещё лучше сделать для своих детей. Это и будет называться счастьем. А если глубоко осмыслить сегодняшнюю ситуацию, она многим не понравится. Далеко ходить не будем, телевизор в каждой семье есть, и все смотрят, что творится у нас под носом. Куда ни пойдешь, к какой кучке не примкнешь, везде какое-то недовольство, даже на кухне – и там о политике. Вроде бы всё хорошо: и пенсии прибавляют, но тут же инфляция помаленьку всё поедает. У кого пенсии хорошие, тот молчит, а у кого маленькие, у того душа плачет. Если сталевар работал у мартеновских печей, получая хорошую зарплату, ему и пенсия хорошая. А кто горшки выносил, кормил, спать укладывал малышей, за которых сталевары были спокойны, получают пенсии мизерные. А ведь все работы были востребованы.

Это маленький пример, но кто работает – и там несправедливость. Сегодня младший медработник получает 4500 рублей в месяц. Он каждый день моет полы в палатах, разносит обед, ухаживает за больным, когда потребуется помощь и т. д. Попробуйте сравнить это с зарплатой депутата Госдумы – 450 000. Разница большая. Да к тому же те, кто ворует, купаются в молоке в прямом смысле, развлечения такие себе придумывают. Примеров можно привести множество. Вот почему люди не все этим довольны.

А ведь у нас есть общий каравай, и каждому россиянину положена равная доля от него. Но этого нет. Наши политики думают над этим и ничего не могут придумать. А говорить прекрасно научились (как я мечтал о таком ораторском даре!). Сколько раз поднимают вопросы коррупции, но так никто и не ответил, как её победить. Получается – коррупция непобедима, потому что есть деньги, которые любят все.

Все мы мечтаем о сильной стабильной России. Но как этого достичь? Думаю, что вначале нужно обратить внимание на сельское хозяйство. Все видим, читаем, до чего оно доведено, поэтому вынуждены сидеть на нефтяной игле, как говорит Е. Петросян: «Спасибо тебе, нефть»... А вот М. Задорнов сказал, что мы живем на том месте планеты, где расположен её мозг, потому что мы самые умные. Так давайте не будем падать в грязь лицом.

Сейчас в сельское хозяйство людей не загонишь. А надо сделать так, чтобы люди только по конкурсу населяли село. Уверяю вас, молодые люди будут покидать насиженные места и рваться на село, на простор, на чистый воздух из городов, задыхающихся угарным газом.

Но забегать вперед не будем, начинать надо постепенно, чтобы было всем понятно. Народ надо накормить, чтобы его никогда не тянуло в драку из-за куска хлеба или ещё чего-то. Очень удобная вещь карточная система. Нужно банковские чеки дать каждому россиянину, неважно, есть у него деньги или нет. И такие карточки будут стремиться получить как можно скорей, потому что в магазинах по ним можно будет взять всё необходимое. Не надо бояться, что в магазинах сразу всё исчезнет – если ты вчера съел буханку хлеба, завтра ты никак не съешь две. И так во всей торговле.

Все люди должны пройти биржу труда, и работающие, и не работающие. Станет известно, сколько освободившегося народа. Но предупреждаю, биржу труда проходят только те, у кого российское гражданство, ни единого иностранца.

Вся Россия получила банковские чеки, деньги больше нам не нужны, все деньги сдаём в банки. Мы в магазинах пользуемся только карточками. Но эта поблажка будет только в течение года. Люди будут знать, где будут трудиться. Работать будут все до единого и только на государство. Отпадут случайные работы: рынки, мелкие лавочки. И в деньгах нужды не будет. И эмигрантов не станет: тихо, спокойно, без ругани уедут, ведь карточек у них нет. Таким образом победим коррупцию и воровство. А вот кому будет лихо, так это олигархам.

Юрий Мотря, Андреаполь
(продолжение следует).

- Непридуманные истории

ИКОНА

У Светы мама умерла, когда ей было семь лет. Ее отец вскоре после утраты женился. Свету вырастили сестра матери с мужем. Это была бездетная семья всю свою нерастрченную любовь к детям они отдали Свете. Девочка воспитывалась в благополучной семье. Выросла, получила образование, создала свою семью, родила троих детей.

Но всю жизнь ее неудержимо тянуло к родному отцу. Их встречи не были долгими. Но любой, даже посторонний человек, замечал, насколько они любили

друг друга. Мачеха даже ревновала. Она считала, что только она должна быть главной в жизни мужа, все остальные люди посторонние.

Света не ждала от отца никаких материальных благ. Она прекрасно понимала, что не может ни на что претендовать, поскольку в свидетельстве о рождении значились другие родители. Да и мачеха бы этого не позволила. У нее была своя многочисленная родня, и она заботилась о ней. Света только просила отца подарить ей икону. Ее вручили на свадьбе родителям Светы. Мама давно умерла, а икона так и стояла в переднем углу спальни. Она напоминала отцу о его прежней семейной жизни. Только первая жена подарила ему дочь, которую он несказанно любил. От второй жены детей быть не могло. К тому же у самой Светы икон в доме не было. И она хотела иметь хотя бы единственную от отца.

Отец обещал Свете, что после его смерти икона обязательно будет у дочки. Но мачеха в последние годы жизни отца относилась к нему очень плохо. Ее все раздражало, она ругала отца, что он даже как-то сказал дочке: «Нет мне никакой жизни. Хоть в петлю полезай. И еще, вот меня тревожит, Света. Она даже икону тебе отдать не хочет. Сказала, икона будет у Светы только после моей смерти».

Света знала, насколько болен отец. Он едва ходил, с трудом сам себя обслуживал. И добавлять ему лишних неприятностей она не хотела. Советовала смириться с тем, что есть. Не хочет отдавать и не надо.

После смерти отца мачеха действительно заявила дочке: «Я с твоим отцом 30 лет прожила. Посмотрю на икону и вспомню его».

Свете было очень обидно. Тем более, что мачеха знала, что дочь никогда и ничего не требовала от отца. Она часто сравнивала свою родню, которая готова, как говорят в народе, из горла все рвать, с безропотной, ни от кого ничего не требующей Светой. И тем не менее, икону не отдавала.

К тому же эта икона была не последней в доме мачехи. Причем одну из них мачехе, по ее просьбе, подарила хозяйка одного дома за то, что она помогала накрывать на стол на похоронах. Мачеха ничего в жизни не хотела делать бескорыстно.

Спустя полгода после похорон отца, накануне дня своего рождения, Света увидела сон, в котором отец очень спешил к ней. Но ему постоянно что-то мешало. То колючая проволока преграждала дорогу, то бодливая корова стояла на его пути. В этом сне Света увидела и свой родительский дом. И вот наконец отец и дочь встретились. Свете он отдал старенькую сумочку, содержимое ее предназначалось именно ей.

– Ой, какой ты худой, папа, – сказала Светлана, обняв отца, и проснулась.

К ее удивлению, утром ей позвонила мачеха. Она сообщила, что приедет к ней и привезет икону. В первый же выходной она действительно приехала и вот что рассказала:

– Сплю я, и вдруг ночью раздался страшный грохот. Упала икона и разбила выключатель и обогреватель. Я так испугалась и сразу же собралась в путь к тебе.

Галина Ермолаева,
Андреаполь

Владимир Юринов**На картах не значит****Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта**

двухкассетник, сделать это было элементарно).

Каждый вновь появившийся в гарнизоне магнитофон подвергался придирчивому изучению на предмет сравнения с уже имеющимися. Поэтому каждый новый приобретатель старался переплюнуть своих предшественников, отыскивая очередное японское чудо с какими-нибудь ещё не виданными в Орловке наворотами.

В гарнизоне в обиход быстро вошли шутки с использованием многофункциональных свойств магнитофонов. Дело в том, что все «японцы» имели встроенный таймер, и, естественно, что владельцы магнитофонов быстро приучились вставать утром не под дурную трель будильника, а под тихую приятную музыку. Но недремлющее око конкурентов глядело зорко, и шаловливые руки друзей и товарищей алчно подбирались к панелям управления. Стало доброй традицией, воспользовавшись невнимательностью хозяина магнитофона, переустановить ему таймер на часок раньше или вывести громкость «спящего» магнитофона на максимум.

После получения нами осенью 85-го классной квалификации «Военный лётчик 3-го класса», что символизировало наше вступление в ряды боевых лётчиков, нас разбросали по разным эскадрильям. И теперь очень часто летать мы попадали в разные смены. Первая смена уезжала на полёты рано утром, вторая дрыхла почти до полудня, зато приезжала с полётов поздно ночью.

О, как было завидно, собираясь на полёты в несуетную рань, наблюдать своего соседа по комнате, сладко посапывающего под одеялом! Рука сама непроизвольно тянулась к его магнитофону и перемещала ползунок регулятора громкости до упора вверх. И уже там, на полётах, на прокалённой морозом бетонке аэродрома, злоумышленную душу грела воображаемая картинка: взметнувшееся под потолок одеяло, безумные спросонья глаза, и рука, слепо шарящая по истошно орущему магнитофону в поисках кнопки отключения. Свирепое лицо соседа по комнате, приехавшего на аэродром после обеда, красноречивее всяких слов говорило о том, что затея удалась. Впрочем, слова, конечно, тоже были достаточно красноречивыми.

Проходила неделя-другая, мы менялись лётными сменами и уже я по утрам взлетал над кроватью, подброшенный двумястами ваттами «Битлз» или «Наутилуса Помпилиуса», грянувшими над самым ухом.

В результате мы так выдрессировали друг друга, что просыпались уже не от заигравшей музыки, а от едва слышного щелчка реле таймера, успевая за следующие четверть секунды одним стремительным отработанным движением отключить магнитофон или сбросить ползунок громкости на минимум.

Но сколько бы ни ходило по городку кассет, в конце концов все они, прокрученные несчётное количество раз, приедались. Хотелось чего-то нового, свежего. И нам на помощь вновь пришли наши дорогие во всех смыслах «японцы».

Все наши магнитофоны имели встроенные радиоприёмники. Причём приёмники эти были с хорошей чувствительностью и с достаточно широким диапазоном. Мой «Шарп», например, принимал всё – от УКВ до длинных волн. Проблема, как всегда, была в выборе. На длинных волнах «сидело» унылое московское радио. На средних хорошо ловился только «Маяк». УКВ диапазон был вообще девственно чист.

Больше всего радиостанций, конечно, ловилось на коротких волнах. Но тут беда была в другом – в качестве звука. Радиостанции «плыли», пропадали, накладывались друг на друга, – в общем, обычная картина для коротких волн.

Но было в этом правиле одно приятное исключение. Называлось оно «Радио Гонолулу».

«Радио Гонолулу» ловилось в Орловке всегда – в любое время суток и в любую погоду. Волна его никуда и никогда не «плыла», она всегда была стабильна и всегда отличалась отменным качеством. По качеству звука «Радио Гонолулу» запросто соперничало со средневолновым «Маяком», но, конечно, затыкало его за пояс своим репертуаром. На «Радио Гонолулу» не было никаких новостных выпусков и тематических передач – оно транслировало только музыку. Каждые пятнадцать минут обворожительный женский голос произносил две-три фразы на английском, в которых мы, со своим «общеобразовательным» знанием иностранного, разбирали только неизменные: «...You listen to radio Honolulu, Hawaii...», и дальше опять шла музыка. Подбор музыки был тоже всегда, как говорится, на уровне: блюз, сдержанный рок, шансон, джаз, – редакторы «Радио Гонолулу» были явно людьми со вкусом.

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 13).

Что было любопытного в этом феномене. От Орловки до Гавайев по прямой – чуть больше девяти тысяч километров. До американской Аляски с её мощнейшими «Свободой» и «Голосом Америки» – в три раза ближе. До Японии – две тысячи километров. Китай – тот вообще под боком. Но ни американские, ни японские, ни совсем близкие китайские радиостанции никогда не ловились в Орловке так чётко и чисто, как «Радио Гонолулу». И, с другой стороны, «Радио Гонолулу» – а мы это специально проверяли! – не ловилось вовсе или ловилось с большими помехами и на пределе слышимости и во Владивостоке, и в Хабаровске, и даже в совсем близком к нам Серышево.

По каким пространствам, по каким тайным каналам приходила к нам гавайская радиоволна? Почему она оставалась неизменной в любое время года, в любое время суток и в любую погоду? Загадка!

Мы засыпали и просыпались под «Радио Гонолулу». Под «Радио Гонолулу» мы пили кофе и играли в преферанс. «Радио Гонолулу» было островком стабильности, своеобразной отдушиной в нашей суетной и непостоянной военной жизни. А голос ведущей «Радио Гонолулу» стал для нас чуть ли не родным, как становятся родными образы любимых киноактрис, вырезанные из журнала и ласково глядящие со стен зимовок или с переборок кают своими неземными журнальными глазами на вполне земных мужиков, заброшенных работой или службой в какую-нибудь несусветную дальнюю даль. Было в этом голосе что-то околдовывающее, завораживающее, нездешнее. Был там и ласковый кисейный прибор, и пёстрые гавайские рубахи, и влажно дышащая бархатная южная ночь, и зеленоватый дайкири в высоких запотевших бокалах. Голос этот звучал очень чисто, как будто бы находился совсем рядом, чуть ли не в соседней комнате, но, в то же время, почему-то чувствовалось, что доносится он до нас из невообразимой дали, с безумного расстояния, равного почти четверти окружности земного шара, из совершенно другого, незнакомого нам, постороннего мира, неизвестно – лучшего ли, худшего ли, но совершенно другого. Мира, где нас никогда не было, нет и, скорее всего, уже никогда не будет...

Минуло четверть века, но нет-нет да и всплывёт в моих ушах нежный женский голос, произносящий с неповторимой интонацией: «You listen to radio Honolulu, Hawaii», и где-то в районе сердца сразу же загорается маленькая тёплая лампочка, как от случайно услышанной, давно забытой детской колыбельной.

Наверное, вдумчивый читатель уже давно заметил – в предыдущих главах я больше описывал свой холостяцкий период жизни, уделяя гораздо меньше внимания периоду семейному. Согласен, в этом есть некая несправедливость. Ведь семейных военнослужащих было в Орловке значительно больше. Как жилось им? Какие тяготы и лишения приходилось преодолевать семейным парам? Что вообще отличало жизнь семейного человека в Орловке от жизни такого же семейного человека на «большой земле»?

Не ручаюсь, что отвечу на все эти вопросы. Я не любитель слезливых женских романов и, тем более, не семейный психолог. Я – правдоруб. Я описываю суровую правду жизни, ничуть её не приукрашивая и ничего не скрывая от моего читателя. Я оперирую фактами, надеясь, что за ними неизбежно встанет правдивая картина жизни маленького дальневосточного гарнизона.

И с фактами в руках я хочу открыть новую главу своего повествования, целиком посвящённую семье. Главу, в которой мы поговорим...

О СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЯХ

Ничто так точно не характеризует семейную жизнь как бракоразводный процесс. Эта мысль может тандемом идти вслед за мыслью великого русского писателя Льва Николаевича Толстого о том, что все счастливые семьи похожи друг на друга, а каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Благополучные семейные пары действительно достаточно скучны и хотя количественно в любом гарнизоне они превалируют над парами неблагополучными, последние всё равно в гарнизонной жизни выглядят гораздо заметнее, так же, как, к примеру, гораздо заметнее крупные яркие звёзды на фоне остальной невзрачной звёздно-галактической пыли. И раз уж речь зашла о звёздах, то на ум приходит ещё одно астрономическое сравнение. Я имею в виду квазары.

Квазарами в астрономии называют некие квазизвёздные объекты, отличающиеся своей невообразимой яркостью. Порой один квазар по своей яркости превосходит целую галактику. Не вдаваясь в астрофизические подробности, скажу только, что квазары для современных астрономов служат чем-то вроде маркеров дальности. Исходя из их видимой яркости, учёные определяют расстояния до самых отдалённых уголков нашей Вселенной.

Так же и неблагополучные семейные пары. Наблюдая за уровнем их «светимости», можно достаточно точно определить общий уровень благополучности (или неблагополучности) семейной жизни в отдельно взятом гарнизоне. Для каких-то гарнизонов обыкновенный семейный скандал с битьём посуды – уже выдающееся событие, а для других и убийство на почве ревности с последующей расчленёнкой – рядовое, чуть ли не обыденное явление.

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр.13-14).

Орловка в ряду других гарнизонов не отличалась ни особым зверством семейных разборок, хотя случались там истории и со смертельным исходом, ни каким-нибудь выдающимся уровнем бытового разврата. Она, скорее, отличалась некой... тут трудно подобрать термин... природной непосредственностью, что ли, в семейных и межсемейных отношениях... Некой, что ли, первобытностью чувств и поступков. Я имею сейчас в виду не первобытную дикость, а скорее, первобытную простоту, цивилизационную незашоренность. Я не вполне понятен? Хорошо, я сейчас расскажу вам две истории, чтобы вы более наглядно представили то, о чём я хочу сказать. Две истории из жизни орловских семейных пар.

Начнём с того, что на две эти истории приходится целых восемь(!) свадеб и пять(!) бракоразводных процессов. Согласитесь, это уже достаточно нетипично для историй подобного рода. Чтобы ещё больше вас заинтриговать, я добавлю, что свадьбы и бракоразводные процессы распределены между этими двумя историями очень неравномерно, а в одной из них развод не становится, как это бывает обычно в подобных случаях, финалом всего действия.

Но перейдём непосредственно к изложению.

В августе 88-го, сразу после свадьбы, я привёз свою молодую жену в Орловку, в только что полученную однокомнатную квартиру в третьем подъезде ДОСа № 3.

Нашими соседями по лестничной площадке оказалась ещё одна молодая семейная пара – лётчик второй эскадрильи старший лейтенант Е. со своей женой.

Е. женился ещё на третьем курсе училища, и потому, несмотря на то, что сам Е. был на два года младше меня, его семейный стаж на тот момент уже приближался к четырём годам. Семья старшего лейтенанта Е. ничем особенным среди других орловских семей не выделялась. Жили супруги дружно. Дети на тот момент они ещё пока не обзавелись.

Служили мы со старшим лейтенантом Е. в разных эскадрильях, были разных годов выпуска, может быть поэтому особой дружбы между нами не возникло. Но отношения были равными, вполне товарищескими.

Жёны наши быстро нашли общий язык и, пока мужья их с утра до ночи пропадали на работе, стараясь защитить широкую страну своей далеко не широкой грудью, женщины по-соседски общались между собой, забегая друг к другу за солью, спичками или, к примеру, за «лаврушкой». В общем, как соседи, мы с семьёй Е. вполне ладили, но какой-то крепкой дружбы семьями у нас тоже не получилось, поскольку, наверное, мы вращались всё-таки в несколько разных компаниях...

Примерно через полгода мы с женой уехали в отпуск.

Вернулись мы из отпуска, как это обычно было принято в Орловке, впритык – в день моего выхода на службу, рано утром. Я, быстро переодевшись, умчался на работу, а жена занялась распаковыванием чемоданов.

За обедом жена между делом сообщила мне, что у нас теперь новые соседи.

– Не соседи, а соседка, – поправил я её – я уже побывал на службе и знал все самые свежие гарнизонные новости. – Сосед у нас прежний. Просто они с Д. поменялись жёнами.

– Это как? – не поняла жена.

– Ну, как люди жёнами меняются? Обычное дело, – сказал я и, видя широко распахнувшиеся, удивлённые глаза жены, не сдержался: – У нас в Орловке традиция такая. Через каждые два года меняться жёнами. Ну, чтобы не приедалось. График даже есть специальный... Я тебе разве не говорил?

Жена, держа в руке забытую чашку, отчаянно затрясла головой. Глаза её ещё больше округлились. Напомню, моя супруга на тот момент была наивной восемнадцатилетней «пионеркой» и, хотя к тому времени уже прожила в Орловке добрых полгода, всё ещё легко попадалась на подобного рода «удочки».

– А мы?!.. И мы?!.. И меня?!.. – жена никак не могла сформулировать вопрос. – Это обязательно?!

– Ну конечно! – максимально уверенно сказал я. – Традиция есть традиция. Согласись, не мы её придумали, и не нам её отменять... Но ты не волнуйся, – «успокоил» я уже готовую разрыдаться супругу, – у нас ещё до этого момента больше года. И кстати, потом – ещё через два года – можно будет поменяться обратно...

Глаза жены по диаметру сравнялись с диаметром чашки в её дрожащей руке. Вровень с краями чашек плескалась горячая влага.

Конечно, я не выдержал и засмеялся и, конечно же, был тут же немилосердно бит крепкой, хотя и любящей рукой. Я тогда и подумать не мог, что мой шуточный экспромт окажется настолько пророческим!

(продолжение следует).

• А в автобусе – народ

А у нас в провинции...

Суетность мегаполисов не нравилась мне никогда, а со временем так и вовсе я стала благодарить судьбу за то, что доживаю свой век в маленьком городке. С возрастом всё больше дорожишь близостью к природе, ценишь естественность и проникаешься красотой окружающего мира. А где, как не в провинции, можно ощутить это в полной мере? Вчера же наблюдаемая мною уличная сценка ещё раз подтвердила преимущества провинциальной жизни.

На пенсии хватает времени и домашними делами заняться, и поразмыслить, и почитать, и в окно поглазеть, благо выходит оно на центральную улицу. Аккурат под балконом – автобусная остановка, то и дело к ней подкатывают маршрутки...

В одной из них посадка закончилась, вот-вот закроются двери! И вдруг на порядочном расстоянии от остановки замечаю мужчину с огромными сумками; с возможной при такой загруженности скоростью он бежит к автобусу, перехватывая на ходу свою поклажу в одну руку, другой – отчаянно машет...

Уже начинаю за него переживать: успеет или не успеет? Неожиданно на горизонте возникает другая фигура - согбённая старушка с палочкой что есть мочи тоже ковыляет к остановке. А скользко-то как, дорога неровная... Ну, уж, думаю, её-то водитель не станет ждать. Но ведь дождался – и мужчину с багажом, и старушку с тросточкой: только когда они, запыхавшиеся и благодарные, забрались в салон, тронулся в путь! И, выражаясь высоким стилем, сердце моё исполнилось благодати.

Знать, не перевелись на Руси добрые люди. И что-то подсказывает мне: вряд ли водители в крупных городах способны на подобное проявление внимания к своим пассажирам. А вот в Нелидове – пожалуйста вам!!!

Светлана Виноградова,
Нелидово

ОПЕРАЦИЯ «АНТИТЕРРОР»

Автовокзал. Здесь тишь да благодать,
И есть кому не дать тебя в обиду.
Но нам в район соседний инвалиду
Приспичило лекарство передать.

(Век двадцать первый. Всё не так, как встарь –
Стремительны бензиновые кони.
Но разве чудо-тройку перегонит
Неторопливый нынешний почтарь).

Водила предвкушает... Хитреца
В лице роднит с известным персонажем
(Что надувал клячку на продажу)
Хозяина снующего лица.

"Посылок не берём: «Антитеррор»".
И, уклоняясь от прямого взгляда
И бормоча про «надо – значит надо»,
Заламывает цену, крохобор.

Но, обобрав тебя или меня,
На первой – за вокзалом – остановке
Без всяких документов, по дешёвке
Троянцев впустит в своего коня.

Накачанные медные тела
Оценит взглядом юная плутовка...
Да, не одна ракетка ли, винтовка
В их сумках поместиться бы могла...

Мужской со мной не согласится хор –
Какой, мол, ум у женской у пехоты.
Так крутит вхолостую обороты
Столь дорогой для нас «Антитеррор».

Татьяна Михайлова,
Тверь

* * *

А рассвет на небесах,
Как малиновый кисель!
Полседьмого на часах.
За ночь смятая постель.
Чашка кофе с молоком
И на завтрак бутерброд.
И к автобусу бегом,
А в автобусе – народ.
Кто-то курс на службу взял,
Кто-то с рёвом в детский сад.
Ну, а я вот – на вокзал,
И куда глаза глядят...

Светлана Миронова,
Пено